

свои достоинства и недостатки; как и они, она не может претендовать на окончательное решение поставленных вопросов. Единственно возможное положение, которое мне представляется принципиально важным и в существе своем достаточно убедительным, — это необходимость подхода к дошедшему до нас тексту как единому целому своду, который в основе своей не является ни механической суммой своих источников, ни хаотической смесью их разрозненных обломков.

А. И. КИРИЧЕНКОВ

**ОПЫТ КОМПЛЕКСНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
ПИСЦОВЫХ КНИГ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОПОГРАФИИ
ДЛЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ
СРЕДНЕВЕКОВОГО РУССКОГО ГОРОДА**

(по материалам Корелы XV—XVII вв.)

Корела (Корельский городок — в XIV—XV вв., Корела — в XVI в., Кексгольм — в XVII—XIX вв., Кингисальми — в начале XX в., с 1948 г. — Приозерск Ленинградской области) являлась самым северо-западным городом Новгородской земли. В русской истории этот город выступает и как форпост, оборонивший северные рубежи страны от шведской экспансии в XIV—начале XVII в., и как самостоятельный экономический и культурный центр на финновязычной окраине Руси. Судьба города отличалась крайней переменчивостью. Частые военные нашествия сдерживали его развитие и сказывались на составе населения, к концу XVII в. сменявшегося несколько раз. При всем этом историческая миссия Корелы определялась уже в новгородское время и заключалась в закреплении Корельской земли в рамках Северной Руси.

Древнейшее прошлое Корелы освещено летописными источниками, позднейшее — писцовыми книгами. Однако не они, а сведения, связанные со шведской оккупацией города в 1580—1597 и 1611—1710 гг., главным образом привлекают исследователей. В 1898 г. финский археолог Т. Швиндт выпустил книгу, посвященную укреплениям и постройкам Корелы последней четверти XVI—XVII в.¹ Здесь с замечательной подробностью опубликованы документы шведского строительства в Кексгольме. К сожалению, сведения, собранные Т. Швиндтом, почти не использованы в русской литературе, хотя и послужили основой всех последующих финских изданий, посвященных рассматриваемому сюжету.

¹ Schvindt Th. Käkisalmen pestilinan ja entisen linnostetun kaupungin... — *Analecta archaeologica Fennica* II: 2, Helsingissä, 1898.

Следует отметить и капитальную монографию об истории города на Вуоксе (древнерусск. Уарво), созданную финскими историками и изданную в 1958 г.² Раздел о средневековой Кореле написан проф. Э. Куубо, он представляет обобщение всего, что известно об этом городе в исторических источниках, особенно на шведском и финском языках. Целостного труда о Кореле, равноценного финскому, у нас пока нет.³ Однако в советской исторической литературе рассмотрены некоторые условные моменты развития средневековой Корелы, связанные с ее новгородской историей, укреплениями XIV и XVI вв., экономическим значением в XVI в. и обороной в русско-шведских войнах XVI—XVII вв.⁴ Почти все, что писал о северорусских городах, касалось и сведений шведовых книг о Кореле XVI в. Эти замечания обычно носят беглый, иллюстративный характер,⁵ однако авторы обратили внимание на большую численность населения города в XVI в. и то, что он для окружающих местностей был крупнейшим центром.⁶ Здесь хотелось бы продолжить направление, связанное с изучением Корелы XVI в.

В первые сто лет существования в рамках Московского государства возникшая в начале XIV в. Корела испытала наибольший в своей средневековой истории строительный и демографический пикет. Этот период представляет самостоятельный исследовательский интерес, к тому же сохранившиеся документы, прежде всего шведовые книги, впервые раскрывают экономическую и социальную структуру города, занятия и численность его населения, а также расположение городских построек и целых районов. Эти источники позволяют судить о состоянии, росте и изменении города с 1480 по 1570 г., иными словами, отражают столь мало исследованную динамику позднесредневекового градостроительства.

Побудительным стимулом к изучению Корелы XVI в. явилась неопубликованная перепись города 1568 г.,⁷ впервые подробно рас-

² К у и ј о В., Р и г а м о В., С а р к к и н е н J. Käkisalmen historia, Lahti, 1958.

³ Ср.: Г р о м о в В. П., Ш а с к о л ь с к и й П. П. Приозерск. Л., 1976.

⁴ Ср.: Ш а с к о л ь с к и й П. П. 1) Политические отношения Новгород и карел в XII—XIV веках. — Новгород. истор. сборник, вып. 10, 1961, с. 117 сл. 2) Шведские интервенции в Карелии в начале XVI в. Петрозаводск, 1950.

⁵ Б е р н а д с к и й В. П. Новгород и Новгородская земля в XV в. М.—Л., 1961, с. 131—132.

⁶ Т и х о м и р о в М. П. Россия в XVI столетии. М., 1962, с. 296.

⁷ ЦГАДА, ф. 137, по Новгороду 7, л. 534—507 (далее — Книга 1568 г.). — Источник известен, в частности, в отрывках и введении и научный оборот А. Г. Ильинским (Городские население Новгородской области в XVI веке. — Истор. обозрение, т. 9, СПб., 1896, с. 126 и сл.). Некоторые упоминания см.: Ч а ч у л и н Н. Д. Города Московского государства в XVI в. СПб., 1889; М а л ь е в Р. Б. Очерки по истории Карелии XVI—XVII вв. Петрозаводск, 1947, с. 65; Агрияна история Северо-Запада России XVI века. Новгородские материалы. Л., 1974, с. 142, прим. 5.

смотрения в настоящей статье.⁸ Упомянутый текст входит в состав шведской книги Водской пятны, содержащей описание Ореховского, Ладожского, Корельского и половины погостов Нонгородского уездов, а также городов Орешек, Ладога и Корела. Дошедшая до нас книга — подлинник, она писалась Ишней Васильевым сыном Булгаковым и Поешиком Шенделевым. Год и месяц окончания книги устанавливаются по датам датных пожалований, из которых самая поздняя — 4 сентября 7077 г. (1568 г.).⁹

К исследованию приложена также шведская книга Водской пятны Д. Кугаева, создававшаяся в 1498—1501 гг.¹⁰ (условно датируем ее в тексте около 1500 г.) и включающая старое письмо конца 1470—начала 1490 г.¹¹ (при упоминании будет отнесено к 1480-м гг.).

В отношении Корелы (как Орешка и Ладоги) упомянутые шведские книги учитывают дворы, иногда огороды, рыбные ловли, пашню и сенокосы, а также поименно перечисляют владельцев — глав семейств городских домов. Шведы преследовали фискальные цели учета и взимания обложения, т. е. все, что к этому отношению не имело, например городские монастыри, подгородные, населенные служеным людем, слободы, а также улицы, площади, приетаны, кладбища, могло остаться не отмеченным. Признано поэтому, что данные шведских книг, особенно цифры и подсчеты, нуждаются в осторожном использовании и определенных поправках, если они возможны. На примере Корелы такие поправки оказались осуществленными в результате сравнения цифр и подсчетов с данными других письменных источников и археологического обследования (в 1972—1973 и 1976 гг.) древней территории города.¹²

Археологические исследования последних лет установили, что поселение на р. Вуоксе — Корельский городок — основано около 1300 г. и занимало территорию небольшого островка, называемого Старой крепостью.¹³ Ближайшим к Старой крепости был

⁸ Настоящая статья входит в цикл работ, посвященных северорусским средневековым городам, начиная с Ладоги (К и р и ч и к о в А. И. Ладога по шведской книге 1568 г. Опыт исторического моделирования средневекового русского города. Рукопись. В работе дана картографическая характеристика и датировка шведской книги Водской пятны 1568 г., которые здесь не повторяем).

⁹ Книга 1568 г., л. 678.

¹⁰ Перечислен окладный книга по Нонгороду Водской пятны 7008 году. — Временник МОИДР, кн. 12, 1852, с. 1—7.

¹¹ Аграрная история Северо-Запада России. История колония XV—начало XVI в. Л., 1974, с. 14 и сл.

¹² Эти работы проводились археологической экспедицией ЛОИА АН СССР под руководством автора этих строк.

¹³ О раскопках на территории Старой крепости см.: К и р и ч и к о в А. И. Историко-археологические исследования древней Корелы («Корельский городок XIV в.»). — В кн.: Фино угры и славяне. Доклады первого советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии. 15—17 ноября 1976 г. Л., 1979, с. 52 и сл.

Спасский остров.¹⁴ Он, как показали изыскания 1972 г., был, может быть, полностью, заселен в последней четверти XV в. Раскопки охватили площадь около 380 кв. м. Части деревянных построек обнаружены в двух строительных горизонтах, по данным дендрохронологии (определение П. Б. Черных) относящихся к 1481—1500 и 1513—1525 гг. Среди находок отметим тиглы для плавки бронзы, предметы рыболовства — разнообразные поплавки, многочисленные обломки глиняных горшков, мисок и кувшинов. Эта керамика устойчиво связана с формами восточнее-восточного времени. В раскопках были также открыты остатки городского собора, существовавшего при шведах в 1614—1679 гг. и достигавшего по оси 58×30 м. Здание состояло из прямоугольного объема, к которому с четырех сторон примыкало 6 пристроек (притворы, ризницы, хор, колокольня). Древней Спасской церкви обнаружить, к сожалению, не удалось.¹⁵ В целом раскопки установили время возникновения посадской застройки на Спасском острове. С освоением данного участка суши территория города увеличилась более чем в 7 раз, и в источниках появилось его новое название — Корела. С этого времени прежний Корельский городок стал детищем, а Спасский остров — посадом поселения на Вуоксе. В XV в. посадская застройка распространилась и на материковые северный и южный берега р. Вуоксы. Этот период развития города и отражен в писцовой книге около 1500 г.

Корела подразделялась тогда на несколько районов (табл. 1): «город» — 30 дворов и дворовых мест (занимал остров — место прежнего Корельского городка), Спасский остров (его называли иногда просто посад) — 98 дворов, северное предместье — посад «за Федоровскою рекою» — 100 дворов, Ореховская сторона — посад за р. Узервой — 23 двора. Северный посад в свою очередь делился на Егорьевский и Иломанский концы. Вероятно, существовал здесь и третий конец (Гляденец — ?).¹⁶ Он прямо не назван, но опознается по перечислению дворовладельцев, живших вне первых двух концов. Сами названия шести частей города отражают их связь с приходскими церквями и монастырями (церковью Спаса и монастырем Георгия), а также с некоторыми из семи погостов Корельского уезда (Иломанским и Городенским). В шестичастном делении города угадывается погостовская кончанская организация, выделенным образом связанная с церковноприходскими и сельскими административными округами. Судя по тому, что концы указаны писцами не во всех случаях (иногда это глухие указания на посад, на местность «за Федоровскою рекою»), эти административные единицы постепенно исчезали и заменялись чисто территориальными обозначениями.

¹⁴ После нападения под р. Вуоксы в 1857 г. рельеф местности изменился: в частности, оба отмеченных острова почти слились с материком.

¹⁵ Подробнее см.: К и р и ч и н о в А. П. Отчет о раскопках в Приозерско в 1972 г. (Архив ИА АН СССР).

¹⁶ Упоминается двор в Гляденце, где стояли помещичьи люди.

Таблица 1

Распределение дворов и их владельцев в Корте по писцовым книгам 1500 г.

Категория кортского населения	Внутри корт		Сельский двор		«За Федоровскую реку»				Орловская сторона		Всего			
					Горьковский двор		Паживский двор		Гладицкий					
	дворы	люди	дворы	люди	дворы	люди	дворы	люди	дворы	люди	дворы	люди		
													дворы	люди
Люди лучшие	—	—	15	—	—	—	—	—	—	—	—	21		
Люди лучшие рыболовы	—	—	11	—	—	—	—	—	—	—	—	15		
Люди молодые рыболовы	—	—	13	—	4	—	—	—	—	—	—	15		
Люди молодые рыболовы	—	—	48	—	15	—	—	—	—	—	—	38		
Люди молодые без промысла	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1		
Люди молодые без промысла	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1		
Свои земли	28*	30	5	0	—	—	—	—	—	—	—	20		
Свои земли в дворянских в их дворах	—	—	12	34**	—	—	—	—	—	—	—	34		
Дети боярские и поместья	—	—	3	5	—	—	—	—	—	—	—	8		
Московичи	—	—	6	6	—	—	—	—	—	—	—	12		
Притч	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		
Пашаляки и воротники (пешаки)	—	—	10	14	—	—	—	—	—	—	—	24		
Наместники, пашаляки	2	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2		
Итого	30	41	98	154	55	63	14	19	31	38	23	27	251	
														342

* Место пусто
** 18 дворянских

В переписи около 1500 г. есть указание на старое письмо 1480 х гг., согласно которому Корела была не меньше, чем 20 лет спустя. Иными словами, московские переписчики обрисовали город, в основных частях уже сложившийся в повгородское время, точнее, по-видимому, в пределах середины и второй половины XV в. Судя по перемене названия города и времени заселения Спасского острова, можно заметить, что посадское строительство и развитие поселения на Вуоксе приобрело особый размах в последние два десятилетия XV в.

По данным переписи 1500 г., на территории города существовала 251 двор, принадлежавший 342 владельцам. Последняя цифра, однако, завышена. С учетом того, что 28 дворовых участков в «городе», т. е. в крепости, частично принадлежали хозяевам, проживавшим на Спасском острове, и того, что в описи не указаны некоторые, например монастырские, дворы, фактическая жилая застройка города исчислялась примерно 250 дворами, владельцами которых были 320 человек. Общее же число жителей, включая женщин и детей,¹⁷ а также некоторых неучтенных в описании людей (монастырские и наместничьи), приближалось к 1400.¹⁸ По своей численности город на Вуоксе превосходил такие центры Водской пятинны, как Которье, Ладого и Орешек.

Самыми населенными частями города являлись Спасский остров и посад «на Федоровском рекою». На Спасском острове проживало большинство зажиточных (олучших) горожан и военных людей — поросиников и инцалтаников. Беднота (включи молодых), составлявшая примерно $\frac{2}{3}$ жителей города, преобладала в северном и восточном предместьях. Внутри города — крепости — находились дворы владыки, наместника и 28 пустых мест мелких землевладельцев — своеземцев, предназначенных для так называемых осадных дворов — убежищ — на случай военной опасности. Таким образом, пространственно крепости было свободно от некогда постоянно проживавшего в ней населения. В последую-

¹⁷ Во дворе с одной семьей в среднем проживало 5 человек, во дворе с двумя семьями — 7,5; во дворе с тремя семьями — 10 человек и т. д. (Аграрная история Северо-Запада России. Восток пятинны XV—начало XVI в., с. 19—20). В Кореле около 1500 г. считалось 160 односемейных дворов, 41 — двухсемейный, 11 — трехсемейных, и 4 проживало от 4 до 7 семей. Населенность 35 дворов не указана. Таким образом, в 210 дворах с установленным числом семей, следуя предложенному расчету, проживало 1278 человек.

¹⁸ Согласно старому письму 1480 х гг., титловое население города было на 118 человек больше, чем в 1500 г. Уменьшение населения, видимо, объясняется его призывами в армию и потерями во время войны со Швецией в 1496 г. Действительно, контингент кореллин, бравшихся на военную службу, составлял, по данным разметного списка 1546 г., 123 конных и пеших (Акта археологической экспедиции, т. 1. СПб., 1836, с. 110). Могут быть и другие объяснения уменьшению населения, например поветрие, голод и т. п. При характеристике Корелы около 1500 г. нами учитывается как титловое, так и нетитловое население.

ище десятилетия это укрепление будет полностью очищено от гражданских владельцев.

Характерны состав и занятия населения города. 144 дворо-владельца, т. е. почти половина всего самостоятельного населения, занимались рыбной ловлей, 38 — ремеслом и торговлей (многие ридовые¹⁹), 20 — «без промысла» — работали, очевидно, по найму. Лов рыбы, которым Корела выделялась из всех северорусских городов, предполагал существование артелей, владевших орудиями промысла, лодками и вывозивших свою продукцию в другие города. Возможно, что во главе таких организаций стояли 11 «лучших» рыболовов, отмеченных описанием около 1500 г. Специальности ремесленников, кроме случайных кузнеца и бочечника, к сожалению, не отмечены. Кроме посадских, занятых производящей и предпринимательской деятельностью, перепись около 1500 г. сообщает не менее чем о 48 своеземцах, частью проживавших в деревнях Корельского уезда. Их городские домовладения были населены 16 дворниками. В городе и его окрестностях тогда находилась 1 (Спасская) церковь и 4 монастыря (Воскресенский, Егорьевский, или Юрьев, или Георгиевский, Никольский и Иоанна Предтечи).

К числу городской верхушки — «лучшими людьми» — относился 21 человек, среди них были представитель знатного корельского рода Григорий Рокульский,²⁰ а также Степан Балакшин, Исаак Леоновьев, Мартемьян Феклистов, владевшие значительными землями на Корельском перешейке и одно время от имени правительства участвовавшие в решении пограничных споров.²¹ Эти люди, видимо, были связаны с новгородской знатью, поэтому их домоладения на Спасском острове были, как следует из книги 1568 г., конфискованы в пользу инициалов и московских переселенцев — помещиков.²² О размерах отобранных учтено можно судить по тому, что на месте, где жил Рокульский, расположилось 5 дворов, а Балакшин — даже 6. Репрессии полной власти в связи с присоединением новгородских земель к Московскому государству в Кореле проявились слабо: в городе поселились четыре московские помещичьи фамилии; старые хозяева были несколько помешаны, но в основном сохранили свои земли и домоладения.²³

¹⁹ Ср.: И л я п и с к и й А. Г. Городское население. . . , с. 126.

²⁰ Ср.: М ю л л е р Р. Б. Очерки по истории Корелии XVI—XVII вв., с. 29.

²¹ К и и ж о Е., Р и г а т а Е., С а г к а л е н J. Käkisalmen historia, р. 18—19. — В списке пограничных судей не значился лишь М. Феклистов.

²² Одновременно московским помещикам Дав. Путятину и Остапу Федорову были отданы пустые места и крепости, ранее принадлежавшие М. Феклистову и И. Леоновьеву (Переписная окладная книга. . . с. 6—7).

²³ К примеру, представители семей Рокульских и Балакшиных продолжали жить в Кореле и в 1568 г., при этом Некрас Рокульский занимал тогда одну из высших административных должностей городского приказчика (Книга 1568 г., л. 456). Более всего конфискации конца XV в. затронули

Привилегия, видимо, была заинтересована в привлечении на свою сторону местных закиточных горожан, выставивших около 120 конных и пеших ополченцев.

Судя по всему, Москву заботило благосостояние ее самого генеро-западного города. Когда между 1480 и 1500 гг. население города, видимо по военным причинам, сократилось, соответственно был понижен и денежный оброк, а для частичного восстановления платежеспособности горожан им всю сумму был приписан специально купленный Иваном III у Валаамского монастыря рядок — Сванский Волочек.²⁴ Провилегия льготы привилегия в конечном счете способствовали подъему городской экономики и заметному увеличению населения. В первой половине XVI в. город настолько разросся, что по площади более чем в 13 раз превзошел своего предшественника XIV в. — Корельский городок.

Бурный рост Корелы зафиксировали уже упоминавшейся шведской кнудой Водской пятинны 1568 г. Ценность источника в том, что здесь кроме дворов и их владельцев, перечислены также монастыри, церкви, улицы, подгородные угодья, рыбные ловли, приведены обмеры земельных участков (что особенно важно для реконструкции городской территории). Перед нами как бы словесный портрет города, его своеобразное топографическое описание, которое удалось передать графически (рис. 4).²⁵

По подсчетам 1568 г., в Кореле насчитывалось 435 дворов и 618 их владельцев (табл. 2). Общее же число населения с учетом не отмеченных в переписи женщин и детей, а также приказаных, монастырских, военнопленных людей и, возможно, стрельцов и выщипков составляло, очевидно, не менее 2700—2800 человек.²⁶ По сравнению с данными 1500 г. город по числу жителей и составу построек увеличился почти в 2 раза. Особенно бурно развивались посадские районы: по сравнению с 1500 г. они выросли в 3—6 раз. По темпу роста Корела в XVI в. опередила многие поселения северо-запад-

---

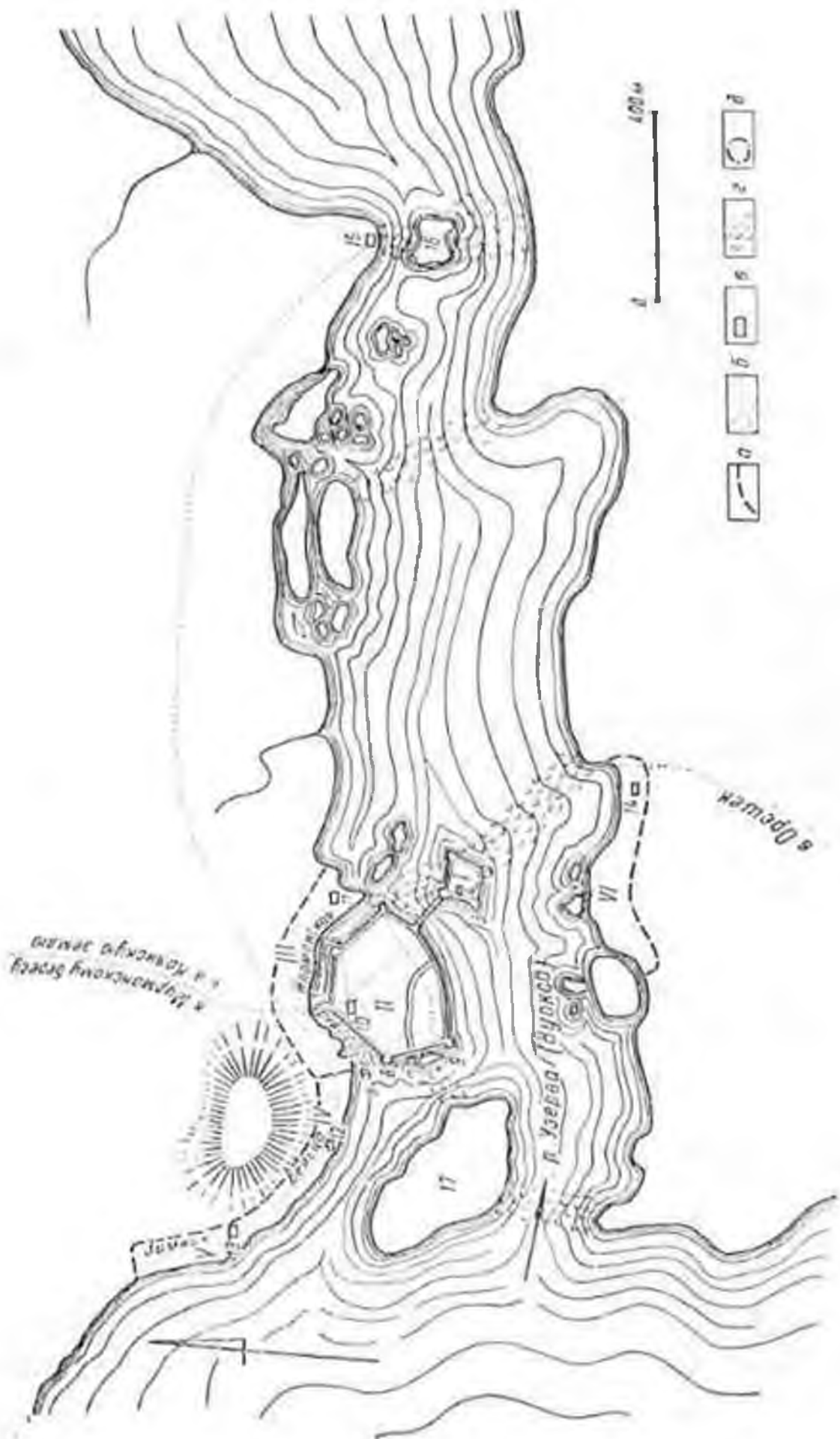
земли Корельского уезда, принадлежавшие новгородскому владыке (за ним числилось 948 дворов из 2933, упомянутых в уезде). Постепенно он лишился этих владений.

²⁴ Переписная оладная книга. . . , с. 7.

²⁵ Топографическая реконструкция плана Корелы XVI в. осуществлена на основании письменных документов и планов города XVII—XVIII вв. Городские концы локализованы с помощью подсчета их размеров по книге 1568 г. Местонахождение церквей и монастырей указано приблизительно. Начертание городских укреплений проведено на основании фотокопий чертежей 1630—1640 гг., полученных из шведских Королевского военного и Гос. архива, частью неопубликованных. По мнению автора, блещущая Корельюма, как она отражена на планах 1630—1640 гг., является произведением русской фортификации 1570-х годов.

²⁶ В Кореле в 1568 г. в 288 дворах проживало по одной семье, в 111 дворах — по две, в 25 — по три, в 4 дворах — по четыре. Населенность 7 дворов не указана. Получается, что в 428 дворах с определенным составом семей в их 601 дворомладельцем проживало 2648 человек. Разумеется, эти цифры приблизительно.

ных окраин Московского государства. Если ежегодный прирост городского населения Новгородской области в первой половине XVI в. составлял 1%,²⁷ то в Кореле он равнялся 2%. Вообще процесс развития городской жизни в городе на Вуоксе по сравнению с другими населенными пунктами проишел с наибольшей силой, вследствие чего возросла и закятность горожан. Если в 1500 г. почти половина дворовладельцев города (181 из 342) относилась к бедным «людям молодым», то в 1568 г. «молодые люди» составляли $\frac{1}{13}$ часть всего тяглого населения (42 дворовладельца из 618).²⁸ Большинство горожан, хотя и не все, не пометил, принадлежали, очевидно, к середним или лучшим податным категориям. В 1568 г. в городе насчитывались 42 нетяглые семьи, однако удельный вес этой прослойки горожан по сравнению с показателями около 1500 г. заметно сократился. Если около 1500 г. нетяглые жители составляли $\frac{1}{3}$ всего населения города, то в 1568 г. это соотношение снизилось до $\frac{1}{11}$. В целом произошла определенная социальная инверсия: почти исчезли прежние мелкие землевладельцы — спосаемица, заметно выравнялся имущественный ценз горожан. Это, разумеется, не означает уменьшения социальных различий городских жителей, однако процесс определенного экономического подъема, думается, сказывался здесь достаточно заметно.

Следуя за ивцом, окинем панораму города. В крепости — «городе» — находились лишь послодский двор и церковь Воскресения с приделом Сергия Чудотворца. На Спасском (тогда еще не укрепленном) острове в 104 дворах проживали по большей части состоятельные нетяглые члены городской администрации,

²⁷ Копаев А. П. Население Русского государства в XVI в. — Истор. запски, т. 64, 1959, с. 242.

²⁸ Раскладка тяглых налогов производилась «по людям и по прожиткам и по торгам и по промыслам». При этом «лучшие платили и ваяну и $2\frac{1}{2}$ больше «средних», «средних» — и 4 раза больше «молодых». Имущество каждого следующего разряда приблизительно вдвое и более превышало предыдущий (ср.: Ильяевский А. Г. Городское население. . ., с. 214—218; Рабинович Г. С. Имущественная дифференциация среди новгородских ремесленников в XVI веке. — Учен. зап. Леп. гос. нед. ин-та, 1959, т. 188, с. 259 и г.д.). В XVII в. различия в оценке имущества лиц разных податных категорий, по ивданию, заметно увеличились (Четякова Е. В. Москва в середине 30-х годов XVII в. Новое и прошлое нашей страны. М., 1967).

Рис. 1. Корела в XVI в. План-реконструкция автора.

I — детский; II — Спасский остров; III — Цоманский конец; IV — Каторженский конец; V — Зыбный; VI — Орехожский остров; 1 — 2 — башни и беседки детского; 3 — церковь Воскресения Христова; 4 — 9 — башни и беседки Спасского острова; 10 — поромы Спаса; 11 — монастырь Пимона Чудотворца; 12 — церковь Георгия; 13 — монастырь Троицкий; 14 — церковь Иоанн; 15 — монастырь Пимона Прядычи; 16 — городище около 1300 г.; 17 — Спасский остров; а — граница посада; б — дороги и улицы; в — места церкви и монастырей; г — пороги; д — первоначальное поселение.

воротники, кони, а также земцы. Там же были дворы наместника и тюна,²⁹ Спасская церковь, отмечена и Спасская улица.

Другие посадские подразделения города в 1508 г. занимали те же места, что и в 1500 г., во частью назывались не по имени прениих, видимо исчезнувших, концов, а магистральных улиц: Спасской — на Спасском острове, Егорьевской—Велецкой, Илюманской, Зимника на посаде за р. Федоровкой. На каждой из трех улиц северного посада располагалось от 68 до 93 дворов. На Ореховской стороне, где улицы не отмечены, значилось 96 дворов. Следовательно, северная посадская сторона примерно в три раза превышала южную, но отдельные территориальные подразделения города были более или менее равнозначными.

Каждому из этих подразделений соответствовали свои монастыри или церкви, частью существовавшие «на посаде и по конец посада» уже около 1500 г. Согласно описанию 1568 г., впервые удается приблизительно локализовать местоположение этих построек. К Илюманской улице тяготел Никольский мужской монастырь «на устьи речки Федоровки»;³⁰ на Егорьевской—Велецкой улице, несомненно, находился монастырь «девич великого христово мученика Георгия».³¹ Возможно, что на Зимнике помещался Троицкий монастырь, «строенне старца Герасима». В устье Узеры, близ предшественника Карельского городка — первоначального поселения 1295 г., названного и переименованного в 1568 г. «городищем», находился монастырь Иоанна Предтечи.³² На Ореховской стороне, судя по упоминанию там двора ильинского пона Андрея Иванова сына, возможно, располагалась Ильинская церковь. Таким образом, во всех шести районах города имелись монастыри и церкви, владевшие своими дворами, сенокосными угодьями, мельницами и деревнями в сельской округе.³³ Само расположение церковных сооружений предполагает их связь с определенными приходами, как это установилось еще в новгородский период.

Здания церквей были деревянными. Лишь одиннадцатая на северном посаде по случайному поводу упоминает каменный монастырь. В 1582 г. шведский король приказал поспешному администратору

²⁹ По дворе наместника числился дворник, а тюнский двор в 1567 г. был переведен в тылные дворы, «а в то место обелен двор городского приказчика Василия Турубарова» (Книга 1568 г., л. 458).

³⁰ Книга 1568 г., л. 505.

³¹ Там же. — Наименование улицы приводим так, как оно передано в источнике 1568 г.: «дн на Егорьевской на Велецкой улице» (л. 458). Из этого ясно, что улица находилась на территории Егорьевского конца, упомянутого около 1500 г.

³² Там же, л. 505 об.—506.

³³ Упомянутые монастыри около 1500 г. владели деревнями, насчитывавшими от 21 (28 владельцев) до 35 дворов (51 владелец). По сравнению с землями, например, Коновского (Коновецкого) монастыря с его 145 дворами (225 человек) земельными собственности городских монастырей кажется не большой (Арх. Сергей. Черты церковноприходского и монастырского быта в псковской книге Подской штины 1500 года. СПб., 1905, с. 95 и сл.).

Распределение дворов и их владельцев в Корзе по писевой книге 1568 г.

	«Город»		Список дворян (или посадов)		Новая ул. Федоровская				Ореховская сторона		Всего			
	дворы	люди	дворы	люди	Егорьевская — Девятова ул.		Ильинская ул.		Земляная ул.		дворы	люди	дворы	люди
					дворы	люди	дворы	люди	дворы	люди				
Дворы знатные лучшие или средних людей	—	—	78	407	58	78	64	412	62	95	80	144	371	536
Дворы знатные молодых людей	—	—	1	1	12	15	9	11	6	9	6	6	34	42
Дворы и места дворянские незнатные	1	1	25	55	4	5	—	—	—	—	1	2	30	42
Итого	1	1	104	463	74	98	73	423	68	105	96	140	435	618

города Торетенсону «вновь сложить (стены) монастыря под Кексгольмом, которые несколько лет перед этим начали разрушаться».³⁴ Однако это указание выполнено не было, постройку полностью разобрали. Возможно, что речь шла об одном из самых крупных монастырей города — Николаевском или Георгиевском. Привлеченный этим сообщением ректор местной гимназии А. Комодец в 1920 г. отыскал на пересечении Ратушной и Гаванской улиц Кякисальми руины, как ему показалось, Георгиевского монастыря.³⁵ В 1972 г. это место вновь подверглось раскопкам, но было установлено, что фундаменты каменного здания, принятые Комодецом за древнерусские, принадлежали церкви Кексгольмского форштадта XVIII в.³⁶ К тому же и само это место находится в 500 м от «пятна» средневекового посада. Полагаем, что Георгиевский монастырь, если именно он был каменным, следует искать на трассе Велецкой улицы, проходившей вдоль первоначального берега р. Вуоксы.

Описание и размещение на плане церковных строений способствует установлению и других сооружений, в том числе городских улиц. Одна из них находилась, как упоминалось, на Спасевом острове, три других — на Федоровском посаде. Для топографической привязки последних важно, что писец последовательно перечислял дворы северного посада от Иломанской улицы, протянувшейся вдоль берега р. Федоровки к северо-западу. Этим путем можно было пройти Иломанскую и Велецкую улицы. Далее вдоль берега, именно в том районе, который существовал, возможно, около 1500 г., но не был тогда назван, располагалась улица Зимник. Если, доверяясь описи 1568 г., подсчитать длину протянувшихся по обеим сторонам улиц Иломанской, Велецкой и Зимника дворов (приняв их короткую сторону за фасадную), то их общая протяженность с учетом вероятной сплошной застройки достигала соответственно 450, 300 и 300 м.³⁷ Как располагались эти магистрали?

На старейшем сохранившемся шведском плане Кексгольма, созданном до пожара 1634 г. (рис. 2), на участке северного посада

³⁴ К и в ј о Е., Р и г а н о Е., S a r k а н е n J. Käkisalmen historia, р. 22.

³⁵ Сообщение о раскопках: К о м о д е ц А. Muutamina sana Käkisalmenissä olleista kirkkotalaiskatolisista luostareista. — *Aamun Koitto*, 1933, № 19, р. 152—154; Ш а с к о л ь с к и й П. П. Памятники русской архитектуры XIV—XVI вв. в городе Кореле. — В кн.: Культура и искусство Древней Руси. Л., 1967, с. 127 и сл.

³⁶ К и р я и ч и н и к о в А. П. Раскопки в Лядожской крепости и в г. Приозерске. — Археолог. открытия 1973 года. М., 1976, с. 13—14.

³⁷ Велецкая улица называлась также Вельцей, Иломанская — Иломанцем. Спасевая улица обозначена за р. Федоровкой в тех случаях, когда писец называл ее по ходу своего пути, находясь на северном посаде. Длина Спасевской улицы около 1000 м (определенная указанным выше методом суммирования дворовых фасадов) предполагает ее разветвленность и пределах всего Спасевого острова.

Рис. 2. Кексгольм — город и замок. План до пожара 1634 г. (Швеция, Гос. архив).

показана длинная, с перерывами тянущаяся вдоль берега дорога с прилегающей двусторонней полупартиальной застройкой.³⁸ В 1573, 1578, 1580 и 1610 гг. северный посад города горел. Однако еще в 1618 г. шведские чиновники, проведя описание города, указали, что ими учтены дворы, сохранившиеся в Кексгольме после русских, а также перечислили владельцев, в том числе и тех, которые построились на месте развалившихся русских домовладений.³⁹ Действительно, в описи отмечены дома, амбары и участки, где жили русские, «когда Кексгольм впервые во времена покойного Понтуса (т. е. в 1580 г.) попал к шведам». Судя по этим пометам, русская планировка города тогда по крайней мере частично сохранилась. Прежде всего относилось это к улицам. Думаем, что упомянутый выше шведский план в определенной мере сохранил расположение Федоровского посада и его существовавшие в 1568 г. улицы. Эти улицы, образующие извилистую магистраль, отстояли от берега на 25—30 м, что согласуется с указанной в письме 1568 г. глубиной расположенных вдоль этих улиц дворовых участков, в среднем равной 6—10 саж.

Итак, русские и шведские данные позволяют представить северный посад Корелы в виде обжитой полосы, протянувшейся от Никольского монастыря вдоль берега рек Федоровки и Узерны на расстоянии около 1000 м.⁴⁰ Ширина этой полосы была примерно 60—70 м. Столь характерное приречное расположение посада показывает, какое большое значение принадлежало в его экономике одному хозяйству. Вряд ли ошибочным будет предположение, что посад на Ореховской стороне также теснялся к береговой полосе.

Приречное «окаменное» расположение построек повлияло на размеры дворов. Их ширина обыкновенно составляла 3—7 саж. (чаще 3—5 саж.), а обычная длина — 6 саж. (чаще всего от 3 до 8 саж.). Средняя площадь двора приближалась к 40 кв. саж. Редко, когда в этом ряду выделялись равные по площади более 100 кв. саж. богатые усадьбы, зато у молодых людей средний размер двора был совсем небольшим — 15—30 кв. саж. Об устройстве дворов чертены 1568 г. данных, к сожалению, не приводит. Из одного случайного замечания мы узнаем, что во дворах под горницами находились амбары и щербети (род торгового помещения), из чего следует, что некоторые постройки были двухэтажными. Назы поседской Корелы отличались тщательностью постройки и производили впечатление даже на бывалых иностранцев. В 1573 г. шведский полководец Г. Флеминг, посетивший город

³⁸ К у н ю Е., П у г а ш о Е., С а р к а н о н J. Käkisalmen historia, kuva, 26. — Подлинник хранится в Шведском гос. архиве.

³⁹ S c h v i n d t Th. Käkisalmen residian. . . , p. 50 и сл.

⁴⁰ Иные эта полоса частью застроена современными зданиями Приозерска, по виду, что она представляла доволно ровный и извилистый берег р. Вуоксы.

ские посадки, «показался, что еще нигде не видел таких добротных домов».⁴¹

Примерно каждый четвертый дворовладелец Корелы владел огородом (последних насчитывалось 134, от 15 на Зимнике до 35 на Пломанской улице). Районом с наиболее обширными дворами и огородами была Пломанская улица (здесь средняя площадь двора равнялась 77 кв. саж., огорода — 127 кв. саж.). За ней следовала Ореховская сторона (соответственно 60 и 80 кв. саж.) и, наконец, Спасский остров (43 и 42 кв. саж.). Разбивка земельных участков под дворы и огороды отличалась крайней нерегулярностью и чересполосицей, поэтому перенести обмеры усадеб на план затруднительно. К тому же различия в размерах двора и огорода показывают, что их стороны часто не совпадали и не служили продолжением друг друга. Средняя площадь посадочного огорода составляла примерно 50 кв. саж., а у молодых людей — 3,2—11,6 кв. саж. Подсчеты здесь требуют оговорок. В большинстве случаев прямой зависимости между имущественным положением горожанина и размерами его двора и огорода (равно как наличием или отсутствием последнего в составе домовладения) не усматривается. К примеру, представители петлялого сословия в редких случаях имели огород, и, наоборот, некоторые тягловые владели огородом, по площади и несколько раз превосходящим их двор, или вовсе обходились без приусадебного участка. Обращает внимание, что далеко не все дворы были разделены огородами. Очевидно, земельных наделов не хватало для всех, а при отводе места для поселения руководствовались прежде всего возможностями размещения жилья и подсобных строений. В большинстве земельных участки горожан были явно недостаточными для сезонного самообеспечения продуктами огородничества, поэтому городское земледелие (и скотоводство) не занимало здесь того места, как например в Ладозе и особенно в Орешке.⁴² Данное наблюдение проверяется при суммарном сопоставлении размеров дворов и огородов.⁴³ Для сравнения укажем, что, по данным описания 1568 г., в Ладозе огороды занимали 70% ее стиглой территории, а в Орешке — даже 79%.

Бесценным достоинством письма 1568 г. является то, что приведенные в нем обмеры дворов (включающих разные постройки) и огородов позволяют определить размеры всей городской территории. Подсчитав площади дворов, огородов и амбаров (табл. 3),

⁴¹ Schvindt Th. Käkisalmen keskiaika... р. 3.

⁴² Как отметил А. Г. Ильинский (Городское население... с. 174), специально огородничеством в Кореле заниматься было невыгодно: «Корельские огороды были в 7 раз меньше Ладозских и в 22 раза меньше Ореховских».

⁴³ В окрестностях Корелы жителям принадлежало 45 га пашни и 50 сенокосных полей. По мнению А. Г. Ильинского (Городское население... с. 175—176), пашни предназначались либо для выгона скота, либо об обрабатывали некоторые жители посади в виде подспорья.

Площадь дворов и огородов горожан

Дворы и их владельцы	площадь участка (кв. саженей)		Посад	
			Котельничан — Велецкая улица	
	дворы	огороды	дворы	огороды
Дворы и огороды лучших или средних людей	2602 *	500.5	1432.75	370.5
Дворы и огороды мелких людей	10	—	136.75	27
Дворы; места дворные и огороды петлятые	1049.5	62.5	165	110
Итого { кв. саж.	4261.5	563	1734.5	513.5
{ кв. м	20030	2646	8152	2414

* Учета площадь 11 церквей и амбаров.

можно следующим образом определить районы города. Дворская застройка, включая огороды, занимала на Спасском острове 2.3 га, на Велецкой улице — 1 га, на Иломанской — 2.5 га, на Зимнике — 1 га, на Ореховской стороне — 2 га.⁴⁴ Эти цифры преуменьшены. Писец не измерил улицы, проулки, участки церковей, монастырей, кладбищ, торгового, таможенного и ямского дворов — всего, что могло существовать в городе, но не интересовало его с фискальной точки зрения. Кроме того, следует учесть, что территория Спасского острова превышала типовую, указанную в описи, на 2.4 га и, вероятно, была зашита беломестной елободой, например Сервелецкой.⁴⁵ Не забудем также прибавить к полученному итогу пространство крепостного острова, достигавшего 0.6 га, и территорию, зашиту складами и амбарами.⁴⁶ С учетом возможных поправок территория города, составляющая по строгому подсчету 11.5 га, вероятно, достигала 13 га (крепость — 0.6 га, Спасский остров — 4.4 га, посад за р. Федоровкой — 4.5—5.8 га, Ореховская сторона — 2—2.5 га).

⁴⁴ Итоговые цифры площадей даны округленно. В делопроизводстве XVI—XVII вв., в том числе и землемерных исчислениях, пользовались казенной саженью, равной 2.16 см (Каменица и К. И., Устюгов и П. В. Русская метрология. М., 1975, с. 86). Размер этой сажени приложим и к единице измерения, использованной в Книге 1568 г.

⁴⁵ Не исключено и следующее объяснение. Раскопки 1972 г. показали, что некоторые места Спасского острова были заболочены. Следовательно, часть территории острова и дрешности могла быть необжитой.

⁴⁶ 22 амбара и чербеты занимали в городе 88 кв. саж. Для 11 из них указано, что они помещались на Спасском острове, Иломанской улице и Ореховской стороне. Площади территориально локализованных торговых помещений учтены в табл. 3.

Корелы по писцовой книге 1568 г.

за р. Предпорочкой				Ореховская сторона		Всего	
Площадь в кв. ушах		Земник ушах		дворы	посоркам	дворы	посоркам
дворы	посоркам	дворы	посоркам				
3082.5 ⁴	2031	1025.25	589.5	2426 ⁴	1097.75	11168.5	4589.25
120.25	—	—	—	192	91	459	118
119	—	—	—	70	250	2003.5	428.5
3321.75	2031	1025.25	589.5	2188	1438	13031	5135.75
15613	9546	7637	2772	12033	6762	64065	24139

По размерам обжитой площади Корела равнялась Ладого и уступала Орешку, однако по плотности населения и несколько раз превосходила все ближайшие города. По данным второй половины XVI в., в Орешке на гектар территории приходилось 25 человек, в Ладого — 76, в Новгородке — 73, а в Кореле — 339 человек. Соответственно на гектар городовой земли в Орешке приходилось 3,4 двора, в Ладого — 12,6, в Новгородке — 12,5, в Кореле — 50,4 двора.¹⁷ Иными словами, скученность поселения на Вуюке оказалась небывалой. Думаю, что такая теснота объяснялась, с одной стороны, привлекательностью места, как преуспевающего в хозяйственном отношении, с другой — недостатком пригодной для заселения земли вследствие обилия топей, заболоченных низин и каменистых выхолмлений. Само название улицы Зимник — зимний дорога — свидетельствует, что она, очевидно, была проложена по тонкому месту. Загадка плотной населенности Корелы приоткрывается при знакомстве с составом и занятиями ее горожан.

Описание города начинается с перечисления дворов должностных лиц: воеводы, наместника, доводчиков, тиуна, упомянуты также дворы городских приказчиков, старосты — всего 8 человек; в действительности их было больше, остались, например, вперечислениаии корельские таможенники. Далее отмечены 11 пушкарей и порубников, в большинстве живших на Спасском острове и только частью (7 из 11) освобожденных от тягла. Данный контингент был слишком слабым для обороны города, что предполагает присутствие в нем не упомянутых вписью стрельцов. К церков-

¹⁷ Подсчеты проведены на основании Книги 1568 г. О плотности застройки Новгородка см.: Творской Л. М. Русское градостроительство до конца XVII в. Л., 1953, с. 161.

ним людям — поном, дяконам, дячкам — в документе 1568 г. отнесены 19 человек. По тому, как они упомянуты, можно судить о количестве действовавших в городе церквей и монастырей, однако местожительство причта часто не совпадает с районом приписного храма.⁴⁸ Монастырские люди в переписи 1568 г., за исключением некоторых игуменюк, не названы. К особым категориям населения относились также два извозчика, обслуживавших речную переправу, палач и екоморох. Подавляющее большинство горожан составляло трудовое торгово-ремесленное население.

Согласно письму 1568 г., 51 дворовладелец занимался ремеслом (указано 19 специальностей): обработкой меха и кожи (8 овчинников, 4 скорняка, 2 кожевника, сюда можно причислить красильника), изготовлением скорое всего рыбной тары (6 бочарников, 1 бочечник), строительством и починкой кораблей (2 смоляника, возможно, частично 4 кузнеца), шитьем одежды и обуви (3 портных, 2 сапожника), производством посуды (1 ведерник, 2 котельника, 2 горшечника), домостроительством (3 плотника, 1 стоколыйник), обработкой продуктов питания (5 мясников, 2 хлебника, 1 медьяк).⁴⁹ Назван и цореховой мастер-зелейник, работавший, очевидно, по правительственным заказам. Большинство мастеров населяло Пломанскую улицу (17 человек), Зимник и Ореховскую сторону (по 13 человек). Средние размеры дворов ремесленников — почти всех — людей с некоторым достатком (лишь в одном случае указан «молодший» овчинник) составляли на Пломанской улице 35 кв. саж., на Велецкой, Зимнике, Ореховской стороне — 19—23 кв. саж., на Спасском острове — 41 кв. саж. и позволяли разместить два и более помещений. Следовательно, жилая и производственная постройки могли не совмещаться. Само распределение ремесел показывает, что мастера, связанные с выделкой пушнина, обработкой кожи, судостроением, изготовлением рыбной тары и обработкой съестных припасов, могли обслуживать потребности рынка не только внутри города, но и за его пределами.

Перечень профессий мастеров небесполезен для расшифровки занятий тех тысяч жителей, которых книга 1568 г. перечисляет без указания рода их деятельности (случайно названы ловец, лоточник, 5 торговых людей). Посадское население Корелы в большинстве, как и около 1500 г., занималось, очевидно, рыбным промыслом и торговлей.⁵⁰ В устье Узервы, окрестных реках и озерах находились многочисленные тони и долы, за пользование кото-

⁴⁸ Так, на Спасском острове проживали поном и дячки Георгиевского и Воскресенского монастырей, находившихся в разных районах.

⁴⁹ По описанию 1568 г., на реках Узерво и Федоровке работало семь мельниц и «водные толчеи».

⁵⁰ Это подтверждает, в частности, жалованная грамота кореллянам 1598 г., где занятии всех последних людей определены промыслами и торговлей (Материалы по истории Карелии XII—XVI вв. Петрозаводск, 1941, с. 362).

рыми кореляне, жители окружающего город Воскресенского Городенского погоста, окрестных селений и монахи платили в казну 98 руб.⁶¹ Если привлечь аналогичные цифры, приведенные перенесью 1568 г. в отношении Ореника и Лядоги, то по размеру рыбных налогов и, следовательно, ловли Корела в 5—10 раз превосходила названные города. Число рыбаков наш источник не указывает, но их, по замечанию А. Г. Ильинского, не могло быть меньше, чем в 1500 г., когда они составляли почти 64% всего тязлого посадского населения города.⁶² Что касается торговли, то ее размах угадывается по сумме таможенных пошлин, достигавших в год 191 руб.⁶³ В эту сумму, по-видимому, входили и пошлины, собранные с приезжих купцов. Для сравнения следует отметить, что в таком узловом приивенском торговом центре, как Ореник, таможенные сборы в 1568 г. составили лишь 65 руб.

Описание 1568 г. отмечает, что на улицах и во дворах Корелы находилось 22 амбара и щербети, кроме того, 12 амбаров было построено на земле монастыря Иоанна Предтечи, в устье Узерны, там, где вблизи первоначального, позднее заброшенного поселения, названного в документе 1568 г. «городцем», помещалась, очевидно, подгородная пристань. Владельцами упомянутых торговых помещений были посадские люди (35 человек).⁶⁴ Они в числе других тязлецов перечислены в книге 1568 г. без какого-либо обозначения рода деятельности. Теперь можно судить, чем же и действительно занимались эти люди. В самом городе, возможно на Спасском острове, по данным 1543 г., находился торг — рыночная площадь.⁶⁵ По словам одного описания Корелы 1700 г., исходящего к более ранним источникам, «торги учинены в городе и на посаде. В той град из Олонца, из Лядоги и иных мест, из Сумы, из Кемь российские товары привозят: юфть, пеньку, лен, холсты, сукна, сало говяжье, масло коровье и заморские городские товары» (среди шведских товаров упомянута медь).⁶⁶ Сообщение важно в том отношении, что устанавливает торговые контрагенты Корелы. Несомненно, что эти связи, как и ассортимент упомянутых товаров, установились в XVI в.

В Кореле сходились несколько потоков транзитной торговли, разветвления которых простирались до Выборга и Кавинской земли. Н. Э. Клейнберг проанализировал четыре таможенные книги, составленные в Выборге в 1599—1601 и 1603 гг., и обнаружил, что стоимостная доля Корелы и уезда в местной русской торговле составляла тогда 20%. Из русских городов в Выборг

⁶¹ Книга 1568 г., л. 507 об.

⁶² Ильинский А. Г. Городское население. . . , с. 176.

⁶³ Книга 1568 г., л. 516 об.

⁶⁴ Питеро из них владели 2 торговыми помещениями в городе и в устье Узерны.

⁶⁵ Материалы по истории Карелии. . . , с. 147.

⁶⁶ Дмитриев Л. А. Новый список «Описания трех путей» Афанасия Холмогорского. — Археограф. ежегодник за 1958 г. М., 1960, с. 347.

безлаи кожи и кожевенные изделия, текстиль, лен, коноплю, продукты охоты, рыбной ловли, кузнечные, керамические и деревянные изделия, а на иностранных товарах — шелк и бумагу.⁸⁷ Перечень товаров и какой-то мере свидетельствует о торговых возможностях города на Вуоксе и направленности его ремесла и конце XVI в. Этот период для Корелы, испытавшей в 1570—1580 гг. разорение и военный погром, нельзя считать благоприятным. В лучшие времена предпринимательской деятельности посада Корелы, по-видимому, занимала более видное место в международной торговле, чем около 1600 г. Через нее на запад в течение первых трех четвертей XVI в. могли вывозить рыбу, кожан, меха, ткани, продукты питания, предметы промысла и мелкотоварного производства. Помимо Швеции, купцы из Корелы, по одному свидетельству 1598 г., ездили на судах торговать в Ладогоу, Понтгород, Неков, Ивангород, добирались и до Москвы.⁸⁸

Итак, Корела, судя по профессиональной направленности ее ремесла, по размаху и дальности торговых операций, по обилию рабочих рук, наконец, косвенно по ассортименту товаров русского экпорта в Выборге, выдвигается и качестве заметного пункта сухопутной и речной не только общерусской, но и, очевидно, международной торговли. Участие Корелы в этом товарообороте было далеко не второстепенным. В активизации корельской торговли проявилось стремление России к самостоятельному расширению экономических связей в Прибалтике, помимо немецких и шведских купцов. В этом плане корельская торговля могла даже на какое-то время превзойти неско-билийскую (что подтверждается суммой упомянутых выше оршеческих пошлин). Подаром около 1500 г., т. е. вскоре после закрытия в 1494 г. ганзейского двора в Понтгороде, в Выборге находилось 400 русских купцов.⁸⁹ Вероятно, росту этой торговой колонии и шведском Выборге способствовало соседство преуспевающего поселения на Вуоксе. В свете новых данных об интенсификации Корелы и ее важном экономическом значении становится понятным та настойчивость, которую и дальнейшем проявило русское правительство, чтобы уберечь от военных опасностей столь необходимый центр, чтобы его население жило «в покое и в тишине и по благоденственным житью».⁹⁰

Перепись 1568 г. фиксирует период расцвета средневековой Корелы. Несмотря на громадные подати, достигшие тогда приблизительно 644 руб. (включая ищальные деньги, откуп от помещика, таможенные пошлины и рыболодный оброк), составитель документа отметил: «И перед отнесью короля посадских людей 7075 году (1567 г.) в Кореле и на Сванском Волочке в прибили

⁸⁷ Любская консулляция П. Ф. Клейншербурга.

⁸⁸ Материалы по истории Карелии. . . , с. 302—303.

⁸⁹ К р о х и н В. И. История карел. СПб., 1908, с. 40.

⁹⁰ Материалы по истории Карелии. . . , с. 363 (льготная грамота 1598 г.).

тягловых 49 дворов.⁶¹ Следовательно, увеличение дворовой застройки за год-полтора составило 12%, что для России того времени было необычайно высоким.

В 1570 г. Корелу, как большинство севернорусских городов, постигли непоправимые несчастья, связанные с голодом, эпидемичной и войной. В 1571 г. в Кореле на 410 тяглых дворов заустало 273, или около 66% застройки.⁶² В 1573 г. шведы во время набега сожгли северный и южный посады. Уезд, где, по описанию 1700 г., «земли хлебородны и скотонакитны и лесами нескудно, зверство и рыбное»,⁶³ был разорен и обезлюдеп. На 4041 двора, находившееся на его территории после похода Делагарди, повлекшего в 1580 г. сдачу Корелы, осталось лишь 440 дворов. Шведская оккупация привела к резкому сокращению и смене населения города. В 1597 г. перед возвращением Кексгольма России в нем насчитывалось 404 мужчины, 307 женщины, 546 детей.⁶⁴ Понадобился труд нескольких поколений, чтобы восстановить город и приблизить его к тем размерам, которые он имел в 1568 г.⁶⁵ Это произошло во время второй шведской оккупации города между 1610—1611 и 1710 гг.

Реконструкция городской территории, раскрытие торгово-промышленной направленности хозяйства, общерусское значение Корелы как центра северной торговли, поразительные темпы роста населения и застройки, выявление активной предпринимательской деятельности посады — все это в новом свете рисует историю средневековой Корелы и тем самым углубляет наше познание градообразующих процессов в позднесредневековой России.

В. М. ПАНЕЕВ

КАБАЛЬНЫЕ КНИГИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в.

Кабальные книги являются важнейшим источником по истории холощства XVI—XVII вв. Впервые в научный оборот они были введены во второй половине XIX в.¹ С тех пор копии книги этого типа постоянно выполняются в различных архивохранилищах.

⁶¹ Книга 1568 г., л. 516 об. — В Кореле и Свинском Поляне в 1568 г. шведы считали 439 тяглых дворов.

⁶² С а м о в л а с о в Д. И. Архивный материал. Новоткрытые документы помещичьих учреждений Московского царства, т. II, М., 1909, с. 372.

⁶³ Д м и т р и е в Л. А. Новая енисок, . . . с. 347.

⁶⁴ К и и л о Е., Р и г д а н о Е., S a r k a n e n J. Käkisalmen historia, р. 29.

⁶⁵ К концу XVII в. Кексгольм по территории несколько превзошел своего предшественника XVI в., по уступил ему по плотности населения и застройки. В 1697 г. в городе (включая крепость) зарегистрировано 322 участка с жилыми строениями и 278 их владельцев. (S e h u s i n d T. Käkisalmen revoliution, . . . р. 84—87, 111, книга 5).

¹ Книги кабальные. — ЛЮБ, т. II. СПб., 1864, столб. 117—132.